

УДК 343.9.01
ББК 67.518.2

Т.Г. Понятовская
*доктор юридических наук, профессор,
Московский юридический университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Российская Федерация*

ПРОБЛЕМА РЕЦИДИВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ*

Исследование рецидивной преступности составляет весьма значительную отрасль криминологии. Состояние, структура, динамика рецидивной преступности, психологические, пенитенциарные аспекты рецидива, личность рецидивиста – вот далеко не полный перечень тем научных криминологических исследований, опирающихся на официальную статистику (в том числе ведомственную), данные социологических опросов, наблюдение. Повторение преступлений после осуждения (с криминологической точки зрения – после совершения преступления) – многозначное социальное явление. Оно социально не только по причине своей масштабности (как известно, уровень, структура и динамика рецидива преступлений неизменно являются обязательными пунктами статистической отчетности органов, созданных для борьбы с преступностью). Социальное значение рецидива преступлений состоит и в том, что он служит своего рода индикатором, показателем социального неблагополучия в обществе. Это неблагополучие может быть обусловлено многими факторами: качеством пенитенциарной системы и ее функционирования; качеством правосудия; отсутствием государственного внимания к проблеме ресоциализации осужденных, а также лиц, отбывших наказание.

Ключевые слова: рецидивная преступность; состояние, структура, динамика рецидивной преступности; ресоциализация осужденных.

T.G. Ponjatovskaja
*Doctor of Law, Professor,
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russian Federation*

RECIDIVISM IN CRIMINOLOGY AND CRIMINAL LAW

Abstract

Research of repeating crime is an important branch of criminology. Basing on official statistics (including department statistics), opinion poll findings and enumeration criminology studies repeating crime situation, structure, dynamics, psychological and penitentiary aspects, recidivist personality etc. Repeating crime is a multiple-meaning social phenomenon. It is a social phenomenon not only because of its scale: repeating crime's level, structure and dynamics are requisite for crime fighting agencies statistics. Repeating crime's social significance lies in the fact that it is an indicator of social unwelfare. This unwelfare may be result of numerous factors: penal system imperfection, justice quality, insufficient attention to resocialization of the convicted ones and those who completed sentence.

Key words: repeating crime; repeating crime situation, structure, dynamics; resocialization of the convicted ones.

---

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.

Исследование рецидивной преступности составляет весьма значительную отрасль криминологии. Состояние, структура, динамика рецидивной преступности, психологические, пенитенциарные аспекты рецидива, личность рецидивиста – вот далеко не полный перечень тем научных криминологических исследований, опирающихся на официальную статистику (в том числе ведомственную), данные социологических опросов, наблюдение и пр. Повторение преступлений после осуждения (с криминологической точки зрения – после совершения преступления) – многозначное социальное явление. Оно социально не только по причине своей масштабности (как известно, уровень, структура и динамика рецидива преступлений неизменно являются обязательными пунктами статистической отчетности органов, созданных для борьбы с преступностью). Социальное значение рецидива преступлений состоит и в том, что он служит своего рода индикатором, показателем социального неблагополучия в обществе. Это неблагополучие может быть обусловлено многими факторами: качеством пенитенциарной системы и ее функционирования; качеством правосудия; отсутствием государственного внимания к проблеме ресоциализации осужденных, а также лиц, отбывших наказание. Наконец, если мы не утописты, то нельзя сбрасывать со счетов и экономические, организационные проблемы, которые приходится решать в связи с рецидивом преступлений даже такому обществу, которое действительно озабочено налаживанием системы социальной адаптации лиц, имеющих судимость.

Криминология раскрывает перед нами ясную картину того, что рецидивная преступность, рецидив и личность рецидивиста – феномены, имеющие социальное значение, отличающиеся спецификой детерминант и требующие адекватного государственного реагирования, не только общесоциального предупредительного, специального (пенитенциарного), но и уголовно-правового. Что нужно для адекватного уголовно-правового реагирования на эти феномены? Необходимо их отражение в УК. Однако оно будет адекватным лишь при соблюдении ряда условий.

По убеждению А.А. Пионтковского, наука уголовного права, являясь социальной по своей сути, предназначена «для защиты и охраны

индивидуальных и коллективных интересов от разрушительной деятельности. Она возводит жизненные интересы общежития на степень правовых, регулирует путем норм, носящих принудительный характер, отношения людей друг к другу и к целому общежитию, намечает тот путь, по которому может и должна быть направляема, в интересах общечеловеческого счастья, деятельность каждого лица, входящего в состав общежития» [5].

А.А. Пионтковский трактовал уголовное право как сложную науку, имеющую три тесно связанные составляющие: 1) криминологию, 2) уголовную политику, 3) уголовную догматику [5]. Задача криминологии – изучение преступной деятельности как социального явления. «Под уголовной политикой понимается та отрасль науки уголовного права, которая имеет своей задачей построение целесообразных средств борьбы с преступностью». Задачей уголовной догматики является построение норм соответственно с политическими задачами. Таким образом, всякое догматическое положение должно иметь криминологическое обоснование и политическую целесообразность. Следовательно, и всякая уголовно-правовая норма должна отражать все три составляющие – криминологическую, политическую и догматическую (системную), которые должны сочетаться друг с другом и, конечно, не вступать в противоречия. Иными словами, уголовно-правовая норма должна отвечать трем требованиям: социальной необходимости, политической целесообразности и правовой адекватности. Отвечают ли этим требованиям нормы о рецидиве преступлений в действующем УК?

Адекватной в политическом отношении уголовно-правовой реакцией на рецидив как социальное явление и поведенческий феномен, представляющий повышенную общественную опасность по объективным социально-политическим показателям, является дифференциация ответственности при рецидиве преступлений. С этой точки зрения рецидив трактуется как форма множественности преступлений. В системном догматическом плане институт рецидива как форма множественности преступлений должен обслуживать категорию «преступление». Основанием для дифференциации ответственности при рецидиве служит повышенная общественная опасность преступления.

Такая дифференциация может осуществляться за счет следующих норм: 1) об усилении наказуемости за счет квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов преступлений; 2) об установлении препятствий к освобождению от уголовного наказания; 3) о дифференциации объема правоограничений в наказании (например, при определении вида исправительного учреждения лицам, осужденным к лишению свободы на определенный срок); 4) о дифференциации порядков аннулирования уголовно-правовых последствий осуждения; 5) об установлении административного надзора.

Если трактовать рецидив как поведенческий феномен, отличающийся повышенной общественной опасностью по объективным социальным показателям, то и личность рецидивиста должна трактоваться как феномен, типичность которого состоит в устойчивой социальной деформации личности, что также может служить объективным социальным основанием для дифференциации ответственности в любой из перечисленных выше форм. С этой точки зрения показательны нормы УК РСФСР 1960 г.: ч. 4 ст. 89 (кража, совершенная особо опасным рецидивистом); ч. 4 ст. 90 (грабеж, совершенный особо опасным рецидивистом); п. «г» ч. 2 ст. 91 (разбой, совершенный особо опасным рецидивистом); п. 1 ч. 1 ст. 53¹ (неприменение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким к особо опасному рецидивисту) и др.

Необходимо со всей отчетливостью сознавать, что дифференциацию уголовной ответственности на основании рецидива преступлений нельзя рассматривать как перекладывание государством на плечи индивида трудно решаемых социальных задач. К сожалению, в последнее время российские ученые формулируют подобные выводы. По существу, на их основании УК РФ отказался от понятия «повторность преступлений» и лишил рецидив преступлений его дифференцирующей функции. С этой точки зрения не следовало бы возлагать на плечи индивида и ответственность за совершенное им преступление, поскольку у преступности как социального явления есть объективные причины (которые к тому же взаимодействуют с множеством условий, способствующих совершению преступлений). Подобные взгляды неоправданно сужают значение рецидива и переводят его из уголовно-

политической сферы в область нравственных мотиваций.

Дифференцирующая функция рецидива не препятствует тому, чтобы решать с его помощью и задачи индивидуализации ответственности. Более того, это представляется оправданным. Именно потому, что рецидив преступлений имеет общесоциальные масштабы, а также как социальные, так и индивидуальные причины, корректировать его уголовно-правовое значение не только целесообразно, но и необходимо. Таким путем можно все-таки разделить бремя ответственности между индивидом и социумом за повторение преступлений. Это обеспечивается избирательностью в использовании признака рецидива при конструировании тех или иных норм Особенной части УК. Например, законодатель проявил такую избирательность, дополнив ст. 134, 135 УК частями пятыми с особо квалифицирующими признаками совершения деяния лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Это противоречит современной догматической системе, но разве не имеет под собой криминологических оснований (социальной необходимости)?

Между прочим, нарушение этим нововведением догматической уголовно-правовой системы обусловлено множеством практических проблем. Совершение преступления лицом, имеющим судимость за однородное или тождественное преступление, не означает наличия в этом повторении признаков рецидива, но и не исключает его. Законодатель не связывает эти признаки с понятием «рецидив». Таким образом, усиление наказуемости за счет признаков повторения преступлений не исключает и усиления наказания за счет рецидива как обстоятельства, отягчающего наказание за это же преступление. Эта логика может быть нарушена только соответствующим разъяснением Верховного Суда РФ о практике применения ст. 134 и 135 УК, в котором может быть поставлен знак равенства между рецидивом как обстоятельством, отягчающим наказание, и признаком совершения преступления лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление. В таком случае дублирование признаков исключается, но возникает противоречие с легальным определением рецидива.

Значительность и неотвратимость уголовно-правовых последствий рецидива при

исполнении им дифференцирующей функции обязывают законодателя поместить уголовно-правовое понятие «рецидив» в формальные рамки, посредством которых, с одной стороны, должна гарантироваться свобода личности от репрессивного произвола, а с другой стороны, обеспечиваться адекватность отражения в признаках преступления и обстоятельствах, учитываемых судом при назначении наказания, степени его общественной опасности. Представляется, что этими соображениями обусловлены различия в криминологическом и уголовно-правовом понятиях рецидива. Указанные различия не являются антагонистическими. Уголовно-правовые нормы не единственное средство государственного реагирования на рецидив как социальное явление.

Ограничение понятия «рецидив преступлений» формальными рамками (повторение умышленных преступлений; наличие не снятой или не погашенной судимости) не противоречит криминологическому определению лишь до тех пор, пока уголовно-правовые признаки рецидива не вступают в противоречие с его социальным значением и уголовно-политической целесообразностью, до тех пор, пока между криминологическими основаниями и уголовно-правовыми формами существует преодолимое и объяснимое расстояние. Чем больше формальных ограничений в легальном определении понятия «рецидив», тем уже сегмент отражения в уголовном праве социального значения повторений преступлений, тем больше расстояние между уголовным правом и криминологией, тем меньше связи между ними.

За истекший период действия УК РФ дважды вносились изменения в признаки легального рецидива (ст. 18 УК) в направлении ограничения его понятия. Если по УК РСФСР судимости в несовершеннолетнем возрасте не учитывались при признании лица особо опасным рецидивистом, то по ст. 18 УК РФ судимости в несовершеннолетнем возрасте препятствуют образованию рецидива как формы множественности преступлений. Таким же препятствием для образования рецидива служит применение условного осуждения или отсрочки исполнения приговора (если они не были отменены судом).

Уголовно-правовая догма продолжает трактовать рецидив как форму множествен-

ности преступлений, но его реальное уголовно-правовое значение давно не отвечает такой природе. Положения УК о рецидиве преступлений изменили свое уголовно-политическое направление и превратились в институт, обслуживающий категорию «наказание». В настоящее время они призваны реализовать функцию индивидуализации наказания. В связи с этим возникает вопрос: нужны ли существующие (и ожидаемые) формальные ограничения в определении легального рецидива, если он больше не исполняет дифференцирующей функции? С точки зрения характеристики личности в аспекте индивидуализации наказания многое из того, что необходимо для защиты прав и законных интересов личности от необоснованной объективной дифференциации ответственности (нарушения равноправия), утрачивает свое значение, более того, препятствует адекватной оценке личности деятеля.

Например, судимости в несовершеннолетнем возрасте могут служить характеристике преступной карьеры; снятие судимости актом об амнистии не реабилитирует лицо, а в случае совершения им нового преступления может повлиять на выводы об устойчивости в его сознании антиобщественных установок. Однако Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» дал разъяснение о том, что суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него судимостей, погашенных или снятых в установленном порядке (п. 6). Но именно эти обстоятельства и характеризуют личность деятеля отрицательно!

Если Пленум Верховного Суда РФ стремился обеспечить защиту прав и законных интересов личности, ее равноправие, то для достижения этой цели он избрал неудачную позицию. В аспекте индивидуализации наказания, которая зависит от судьейского усмотрения при оценке социальной опасности личности лица, виновного в совершении преступления, рецидив является показателем вероятности совершения им нового преступления, а также его способности к исправлению. При этом, конечно, имеет значение количество судимостей, степень и характер общественной

опасности образующих рецидив преступлений, периоды между судимостями – все те характеризующие фактическую сторону рецидива обстоятельства, которые позволяют судить о том, насколько деформирована в социальном отношении личность и какой должна быть содержательная сторона уголовно-правовой реакции на последнее из совершенных преступлений. Заметим, в этом отношении важна именно фактическая, а не формальная юридическая сторона рецидива. При такой уголовно-политической функции рецидива его понятие должно быть ближе к криминологическому определению фактического рецидива.

Функция рецидива преступлений как средства индивидуализации наказания характерна для такой уголовной политики, при которой повторность преступлений, соединенная с осуждением, не имеет собственного социального значения, а рассматривается как феномен преступной деятельности в каждом конкретном ее проявлении, взятом в отдельности случае. Государство как субъект уголовного права, по существу, уклоняется от объективной социально-политической оценки наиболее тяжкого вида повторности преступлений, оставляя решение юридического дела полностью на судебское усмотрение. Действительно, суд может не признать рецидив таким обстоятельством, которое в конкретном случае обладает свойством существенно повышать степень общественной опасности преступления.

Индивидуализация наказания как функция рецидива обуславливает бессмысленность законодательной дифференциации видов рецидива и правил назначения наказания при рецидиве преступлений на основании объективной законодательной оценки повышенной общественной опасности повторения преступлений, поскольку это основание действительно лишь при дифференциации ответственности и совершенно не способно решать задачи индивидуализации наказания.

По мнению В. Питецкого, при любом виде рецидива наличие смягчающих обстоятельств, указанных в ст. 61 УК, позволяет суду не учитывать положения ч. 2 этой статьи. «Буквальное толкование этого положения означает, что при наличии смягчающих обстоятельств, не указанных в ст. 61, суд не может назначить наказание менее одной третьей части от максимального предела санкции. Означает ли это в данном случае неравное правовое значение

смягчающих обстоятельств, указанных и не указанных в ст. 61 УК, но признанных судом в качестве таковых (ч. 2 ст. 61 УК)? При любом ответе на этот вопрос ясно одно: ч. 3 ст. 68 УК предоставляет суду широкие возможности для преодоления предписаний, содержащихся во второй ее части. Это ставит вообще под сомнение целесообразность существования всей данной статьи».

Такого же мнения придерживается И.Н. Самылина: «Значение выводов суда о признании смягчающих наказание или исключительных обстоятельств непомерно возросло. Учитывая, что перечень смягчающих наказание обстоятельств является открытым, а случаи, когда по делу не имеется хотя бы одного такого обстоятельства, встречаются исключительно редко, можно констатировать, что возможности для неприменения специального правила назначения наказания при рецидиве преступлений очень широки, что, по нашему мнению, снижает значение этого правила. Может возникнуть ситуация, когда правило, регулирующее срок наказания при рецидиве преступлений, станет применяться исключительно редко, таким образом, достижение УК РФ 1996 г. будет утрачено».

В судебной практике нередки случаи изменения обвинительных приговоров по причине неосновательности учета рецидива или определения его вида. В то же время во множестве ситуаций изменения приговоров по рассматриваемым обстоятельствам проявляется одна закономерность, которую нужно согласовать с позициями ученых по вопросу уголовно-правового значения видов рецидива. Дело в том, что уравнивание в ст. 68 УК правил назначения наказания для всех видов рецидива, как представляется, должно свести на нет и значение судебных ошибок относительно определения вида рецидива. Действительно, какой смысл изменять приговор по причине такой ошибки, если вид рецидива не влияет на правила его учета как отягчающего обстоятельства? Тем не менее подавляющее большинство изменений приговоров по указанным выше основаниям было связано с ошибками именно в определении вида рецидива. Может быть, действительно есть смысл различать виды рецидива, несмотря на уравнивание уголовно-правовых последствий его учета как отягчающего обстоятельства? Если такой смысл имеется, то в чем он заключается?

Для ответа на поставленные вопросы представляется важным мнение В. Питецкого: «Отказ от дифференциации пределов назначаемого наказания устранил практическое значение видов рецидива в ч. ч. 2 и 3 ст. 18 УК. В настоящее время они будут иметь значение лишь для определения места отбывания наказания» [6]. Аналогичного мнения придерживается К.В. Дядюн [3].

Как видим, есть практический смысл различать виды рецидива лишь при назначении наказания. Однако, как представляется, он не имеет отношения к последствиям учета рецидива как отягчающего обстоятельства, поскольку обуславливает решение судом другого вопроса – определение вида исправительного учреждения при назначении наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Порядок определения вида исправительного учреждения является формальным, и законодатель не связывает его с обстоятельствами, смягчающими или отягчающими наказание.

Многие ученые отмечают пагубные последствия для реализации принципа справедливости (индивидуализации) наказания правил назначения наказания при рецидиве преступлений, сформулированных в ст. 68 УК. Напомним, что эти правила и представляют собой порядок учета рецидива как отягчающего обстоятельства. Но именно функции отягчающего обстоятельства рецидив и не выполняет. Так, К.В. Дядюн отмечает, что «гарантированного» усиления наказания при наличии рецидива (как это было ранее) сейчас в большинстве случаев может не произойти. Так, если треть максимального наказания, предусмотренного в санкции, равна минимальному его размеру (например, от 4 до 12 лет лишения свободы) либо меньше его (от 6 до 15 лет в ч. 1 ст. 105 УК РФ), то усиление наказания в таких случаях самим законом не «гарантировано». Это может сделать только суд по своему усмотрению. Лишь в том случае, когда треть максимального срока наказания будет превышать его минимальный размер, можно говорить о том, что наказание за рецидив преступлений будет точно усилено (например, при санкциях типа от 2 до 12 лет, от 3 до 15 лет лишения свободы и т.п.). Анализ статей Особенной части УК РФ показал, что необходимое соотношение максимального и минимального пределов санкций, при котором может произойти обязательное

усиление наказания за рецидив преступлений, существует в основном по преступлениям средней тяжести. И то лишь в тех случаях, когда в законе не указан минимальный срок лишения свободы [3].

При единодушной негативной оценке предусмотренных ст. 68 УК правил учета рецидива как отягчающего обстоятельства ученые признают, что рецидив свидетельствует не только об увеличении уровня общественной опасности совершенного лицом преступления, но и о повышенной общественной опасности личности виновного, его совершившего. По мнению П.Н. Кобеца, повторное совершение преступления лицом, ранее судимым за противоправное деяние, представляет собой особое криминологическое и социальное явление. Выделяют его в первую очередь потому, что именно оно несет повышенную опасность для общества и государства и предопределяется устойчивым нежеланием лица жить по закону и соблюдать этические и другие нормы поведения [4, с. 22]. С точки зрения А.В. Вожжова, в настоящее время приходится констатировать, что оценка личности виновного в ходе уголовного судопроизводства носит преимущественно формальный характер.

Представляется, что роль рецидива как обстоятельства, призванного индивидуализировать наказание, может быть реализована, если мы будем трактовать его именно как обстоятельство, отрицательно характеризующее личность. Привязка повышенной опасности рецидива не к самому повторному преступлению, а к личности преступника с неизбежностью ставит вопрос о признании рецидива признаком личности виновного, следовательно, о возможности возвращения в уголовное законодательство понятия «рецидивист». В этом направлении было бы весьма полезно обратиться к результатам криминологической разработки вопроса [1; 2]. Однако между криминологическими и уголовно-правовыми (бессистемными) представлениями о рецидиве преступлений образовалась пропасть, на одном крае которой криминологи продолжают плодотворные исследования рецидивной преступности и личности рецидивиста, а на другом – ученые-правоведы содрогаются от одного только слова «рецидивист» как от символа проклятого уголовно-правового прошлого.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование / Е.А. Антонян. – М., 2013.
2. Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М., 2000.
3. Дядюн К.В. Проблемы ответственности за рецидив преступлений в аспекте принципов справедливости и гуманизма / К.В. Дядюн // Российский судья. – 2011. – № 10. – С. 25–27.
4. Кобец П.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения рецидива тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья / П.Н. Кобец. – М., 2009.
5. Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение / А.А. Пионтковский // Избранные труды. – Т. 1. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
6. Питецкий В. Назначение наказания при рецидиве преступлений / В. Питецкий // Законность. – 2004. – № 9.
7. Самылина И.Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений / Самылина И.Н. // Российский судья. – 2004. – № 12.

REFERENCES

1. Antonjan E.A. Personality of recidivist: criminological and penal research. [Antonjan E.A. Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie]. Moscow, 2013.
2. Antonjan Ju.M., Enikeev M.I., Jeminov V.E. Psychology of crime and punishment. [Antonjan Ju.M., Enikeev M.I., Jeminov V.E. Psihologija prestuplenija i nakazaniya]. Moscow, 2000.
3. Djadjun K.V. Responsibility for repetition of crime in terms of justice and humanism. [Djadjun K.V. Problemy otvetstvennosti za recidiv prestuplenij v aspekte principov spravedlivosti i gumanizma]. *Rossijskij sud'ja – Russian Judge*, 2011, no.10, pp. 25–27.
4. Kobec P.N. Criminal and criminological problems of repeating grave violent crimes against life and safety prevention. [Kobec P.N. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy preduprezhdenija recidiva tjazhkih nasil'stvennyh prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ja]. Moscow, 2009.
5. Piontkovskij A.A. Criminal law science, its object, purposes, contents and role. Selected works. Vol. 1. [Piontkovskij A.A. Nauka ugovolnogo prava, ee predmet, zadachi, sodержanie i znachenie. Izbrannye trudy. Tom I]. Kazan', 2004, pp. 180–181.
6. Piteckij V. Repeating crimes punishment assignment. [Piteckij V. Naznachenie nakazaniya pri recidive prestuplenij]. *Zakonnost' – Legality*, 2004, no. 9.
7. Samylina I.N. Repeating crimes punishment assignment. [Samylina I.N. Naznachenie nakazaniya pri recidive prestuplenij]. *Rossijskij sud'ja – Russian Judge*, 2004, no. 12.

Сведения об авторе

Понятовская Татьяна Григорьевна – профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: tagri@yandex.ru.

Information about author

Ponjatovskaja Tat'jana Grigor'evna – Professor of Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Moscow; e-mail: tagri@yandex.ru.